Виктор Панько

Монологи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Панько В. Д.

Монологи / В. Д. Панько — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Сборник литературоведческих статей прозаика и поэта, члена Российского союза писателей Виктора Дмитриевича Панько посвящен анализу творчества современных писателей и поэтов севера Республики Молдова. Автор делится своими впечатлениями о встрече в 1976 году с писателями мирового уровня: Булатом Окуджавой, Давидом Кугультиновым, Фазилем Искандером и другими. Сравнивает творческие почерки Сергея Есенина и современного поэта Юрия Иванова. Знакомит с творчеством современных русскоязычных писателей Республики Молдова.

© Панько В. Д., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Великий Гёте высказал когда-то глубокую, хотя и очевидную, мысль: «Каждый человек – неповторим». И, хотя и говорят в последние годы о биоэнергетических, а также и физических двойниках, о братьях-близнецах, мне кажется, даже и они заключают в себе какие-то важные неповторимые черты. Что же тогда говорить о поэтах и писателях, которые, в отличие от других людей, являются, кроме всего прочего, каждый из них, ещё и, как правило, генераторами своих особенных, только им присущих, образов и идей?!

Проходят десятилетия за десятилетиями. Сменяются властители судеб, властители дум и прочие властители, меняются времена, идеи, приоритеты, оценки... . Что же в таком случае остаётся от неповторимости каждого из нас? Пыль, и тлен, и камень надгробный, как ни прискорбно это сознавать....

Но – погоди, не такова судьба поэта! (Или, если это не так, то хотелось бы, очень хотелось бы считать, что это – не так!).

Не такова! Сквозь тысячи сит просеиваются, сквозь сита времени, мелкая пыль, хрустящий в зубах песочек, шелуха и плевелы, но что-то же остаётся!!! Тем более – если каждый из нас – неповторим!

Конечно, при этом подразумевается, что на верхнем сите остаются (или должны остаться) самые крупные (ценные, красивые, дорогие, примечательные) камни. Так ли это? Вряд ли. Зачастую мы как раз и относимся к тем, кто не в состоянии «приметить слона», и больше обращаем внимание на кривляющихся мартышек: те – живее, чаще попадают на глаза и то и дело мельтешат перед самым нашим носом!

Размышления на эту тему подтолкнули меня к тому, чтобы осмыслить или попытаться осмыслить событие почти сорокалетней давности, которое мне и тогда представлялось имеющим большое значение, но, в свете веяний последних десятилетий, кажется ещё более примечательным.

Речь идёт об одном сентябрьском дне 1976 года, который (я и теперь горжусь этим) мне довелось провести в обществе литераторов высочайшего класса, если не сказать – мирового масштаба.

Конечно, эта попытка не будет представлять собой особо высокую ценность ввиду того, что я всего лишь постараюсь описать происшедшее с точки зрения не особо наблюдательного районного журналиста, не склонного к «растеканию мыслью по древу» и не обладавшего тогда какими-то глубинными познаниями в области поэзии, прозы или литературной критики. Но, с другой стороны, она может вызвать интерес у любопытствующего читателя хотя бы тем, что выдающиеся поэты и писатели того времени оказались в те дни в одной компании в молдавских сёлах Чучуля и Вишоара. Разве это не здорово? И потом, описание тех событий может окунуть современного читателя, родившегося позже того времени, в забытую, своеобразную и неповторимую обстановку того периода нашей истории, который был кем-то окрещён словом «застой».

Предыстория этих воспоминаний такова.

В сентябре 1976 года я работал заместителем редактора Глодянской районной газеты «Ленинская искра». По долгу службы, намереваясь осветить на страницах газеты визит в наш район группы участников Дней советской литературы в Молдавии, я сопровождал эту группу 20 и 21 сентября, прихватив с собой выдавший виды портативный магнитофон «Романтик», на котором я обычно записывал фольклорные песни как корреспондент-фольклорист Кишинёвского института искусств имени Г. Музическу.

По результатам этой поездки я тогда опубликовал свой отчёт.

Пребывание делегации писателей в Глодянском районе началось с посещения ею пальметного сада, Дома культуры и детского сада в селе Садовое, которое тогда входило в состав

нашего района. На встрече делегации на границе района, недалеко от города Бельцы, я по каким-то причинам не присутствовал, а подсел, помнится, в районном центре в автобус, отправлявшийся в село Вишоара, где тогда было крупное межхозяйственное предприятие по производству говядины. Этот животноводческий комплекс привлекал большое внимание разного рода республиканских, всесоюзных и зарубежных делегаций, приехавших за опытом ведения крупного хозяйства. В Вишоаре побывал и с большим одобрением отозвался о внедрённой здесь технологии известный в Америке предприниматель-новатор Гарст.

В автобусе я обрадовался, увидев знакомого мне Василия Николаевича Стати, сопровождавшего делегацию, а особенно меня интересовал Булат Шалвович Окуджава, который показался мне тогда слишком уж немногословным и каким-то печальным.

После рукопожатий я был ужасно горд тем, что разговариваю с человеком-легендой, чьи песни звучали тогда в самых разных уголках страны. «Сомнения нет, уходит в ночь отдельный десятый наш десантный батальон», да и не только. Его произведения публиковались на русском языке в Молдавии.

В Вишоаре все прибывшие участвовали в открытии 15-го по счёту тогда в Глодянском районе книжного магазина «Луминица».

Красную ленту разрезал Давид Кугультинов – народный поэт Калмыкии. Были выступления. Помню выступление Григоре Виеру, который высказался за распространение в сёлах Молдавии книг и сокращение производства табака. Он прочитал несколько своих стихотворений.

Хозяйка «Луминицы» Евгения Ивановна Немеренко пригласила первых посетителей книжного магазина. Все они получили автографы членов делегации.

Из Вишоары, после посещения животноводческого комплекса, писатели направились в соседнее село Чучуля. Там они побывали в единственном, по высказыванию Давида Кугультинова, школьном зоопарке во всём Советском Союзе. Зоопарк этот действительно, стараниями тогдашнего директора Чучульской средней школы Фёдора Харлампиевича Ватаву при поддержке местных властей был – потрясающим! Туда ходили на экскурсии и дети, и взрослые из многих и многих ближних и дальних сёл посмотреть на зверей, среди которых были медведь, волки, верблюд и многие другие обитатели мировой фауны.

Вечером в Чучульском сельском Доме культуры состоялась встреча литераторов с трудящимися района. На ней прозвучали, наряду с обычными в подобных случаях фразами, и произведения, авторами которых были присутствующие в зале поэты и писатели.

Материалы этой встречи нашли отражение в районной газете 23 и 25 сентября 1976 года. В их подготовке к печати кроме меня участвовали также заведующий отделом писем Николай Мырза и фотокорреспондент Михаил Васиlake.

На этом, казалось бы, и «сказка вся». Но речь о другом.

Как я уже упоминал, во время поездки и выступлений я имел с собой магнитофон и старался как можно больше записать и важное, и, может быть, менее важное. Таких записей набралось у меня 2 бобины. Кроме того, я взял у ряда писателей и поэтов автографы, адресованные читателям районной газеты.

Осознавая ценность этих записей для истории литературы и истории творчества каждого писателя, участвовавшего в той поездке, я старался сохранить их.

Проходили годы, и лет через 20 в результате разного рода переездов они исчезли из моего поля зрения. И только благодаря моему сыну Александру, который нашёл и сохранил их, они опять заинтересовали меня. Но, поскольку опубликовать их мне до настоящего времени не предоставлялось возможности, то, несмотря на их ценность, их использовать было негде, а значит – оставалось только хранить.

Возникла мысль о том, что ленты могут размагнититься, а записи – пропасть. К счастью, этого не произошло. Хотя на сегодняшний день они и далеки от того качества, которое было

тридцать девять лет назад, но разобрать слова и понять, о чём идёт речь, можно. Поэтому передо мной встал вопрос об осмыслении записанной тогда информации.

Для начала остановлюсь на автографах, которые у меня сохранились до сегодняшнего дня. По всей вероятности, я тогда не успел взять их у всех членов делегации. Для этой цели у меня были заготовлены открытки с изображением трёх гвоздик. Текст автографа писался на внутренней стороне складывающейся надвое открытки.

Первым, у кого я взял автограф, был Булат Окуджава. Я его опубликовал в одном из последующих номеров нашей газеты в литературной странице «Родничок»:

«Читателям «Ленинской искры» многая лета!

Б. Окуджава 20.9.76г.».

Фотография автографа сопровождалась моей краткой пояснительной надписью. Но, поскольку технология полиграфии предусматривала тогда изготовление клише на электронно-гравировальном аппарате, которое производилось в типографии, то открытка с подлинником автографа, по-видимому, так и осталась в типографии, поэтому его у меня нет. Но почерк Окуджавы виден на снимке в газете.

Остальные автографы, о которых пойдёт речь ниже, хранятся у меня в оригиналах:

«Любите книгу, она лучший друг читающего человека.

Ф. Искандер».

«С особенным удовольствием встречаюсь с молдавскими детьми – любознательными, весёлыми, чуткими к литературному слову. Привет вам, дорогие ребята!

Я. Аким».

«Газете «Ленинская искра». Молдавия – страна поэзии, сказок и песен, – была, есть и будет в нашем сердце всегда как любовь, как Прекрасное в жизни.

Д. Кугультинов. 21.9.76г.».

«Читателям газеты «Ленинская искра». Самые искренние доброжелания трудящимся (далее неразборчиво несколько букв). Желаю вам всего хорошего, что можно желать в жизни человека. Литературовед из МНР Д.Цэнд. Село Виишоара 20 сент. 1976г.» (далее под тремя звёздочками текст – 9 строк по-монгольски).

«Читателям газеты «Ленинская искра». Спасибо за вашу любовь к поэзии. Монта Крома. Рига».

«Дорогие друзья! Мы рады в дни, когда пришла зрелость на ваши поля, рассказать вам и о нашем урожае, урожае стихов, рассказов, всего того, что мы собрали на своей ниве. Р. Ольшевский.».

Примечательно, что большинство в делегации составляли поэты, как я уже сказал, мирового уровня.

Давид Кугультинов – автор сборников «Бунт разума», «Я твой ровесник», цикла «Жизнь и размышления», других произведений, в том, 1976 году, был удостоен Государственной премии СССР.

Карлен Григорьевич Мурадян, известный читателям больше как армянский поэт Геворк Эмин был отмечен этой высокой наградой много раньше – в 1954 году.

Булат Окуджава только что закончил работу над своим сборником «Арбат мой, Арбат».

Суюнбаю Эралиеву незадолго перед этим было присвоено почётное звание Народного поэта Киргизии (1974).

Не нуждался в особых рекомендациях замечательный абхазский поэт Фазиль Искандер, известный молдавскому читателю своими переведёнными на русский язык глубоко лиричными произведениями.

Широкую известность в те годы получили молдавские поэты – члены делегации: Григоре Виеру, Ион Ватаману, Георге Мадан. Набирал известности писавший на русском языке Рудольф Ольшевский.

Уже тогда, да и сегодня, через многие годы, и, наверное, не только мне, приходила в голову мысль об огромном значении русского языка как языка межнационального общения. Без него калмык Кугультинов вряд ли мог бы понять армянина Эмина или абхаза Искандера, а они, в свою очередь, Булата Окуджаву или Григоре Виеру – без соответствующих переводчиков. Но в Чучуле и Вишоаре все они свободно общались друг с другом, не испытывая никаких затруднений, благодаря русскому языку.

В последнее время мы не особо задумываемся об этом, но, если вникнуть глубже и быть объективными, то нужно признать, что многие произведения мировой литературы пришли в те времена в наше сознание и затронули наши сердца именно благодаря русскому языку. И приезд делегации литераторов из разных концов тогдашней большой страны убедительно подтверждал это. А открытие в их присутствии книжного магазина, который являлся своеобразным культурным центром в селе, воспринималось как некий, тоже довольно яркий и убедительный символ.

Книжные магазины в Молдавии назывались тогда «Луминица» – от слова «луминэ» – «свет». Некоторые переводили это слово как «Светлячок», но это, на мой взгляд, – не совсем точный перевод по смыслу. Скорее всего его нужно было переводить словом «Огонёк» – «распространяющий свет и тепло». Потому что «светлячок» у русского читателя вызывал ассоциации, связанные со светящимся червячком, а не со светом знаний.

После торжественного открытия книжного магазина в Вишоаре, как я уже упоминал, состоялась встреча с представителями трудовых коллективов и интеллигенцией района в Чучульском Доме культуры.

Выступления проходили в непринуждённой обстановке, некоторые прозвучавшие там стихотворения были, возможно, сочинены тут же, поэтому могли быть исполнены авторами впервые.

Было встречено, помню, долгими аплодисментами стихотворение Геворка Эмина «Бунэ сара, Инесса», посвящённое впечатлениям от тогдашней поездки в Молдову.

БУНЭ САРА*, ИНЕССА

Эту землю увидел я в радостный час
Не из праздного интереса,
Виноград и вино и у нас, и у вас,
Бунэ сара, Инесса!

И у нас, и у вас – сиянье одно,
Небеса огневого завеса.
Выпьем горько-сладкое это вино,
Бунэ сара, Инесса!

Эти алые губы, что вишня в вине,
Как гранат по кромке надреза.
Почему ты так поздно встретила меня?
Бунэ сара, Инесса!

Всё хорошее поздно приходит, и ты
Опоздала, кончается пьеса.
Слышишь, поезд зовёт меня из темноты?
Бунэ сара, Инесса!

Вновь открыта дорога осенним дням,

Ветер – привкус сырого железа,
А удастся ли снова встретиться нам?
Ла реведере**, Инесса!

–

*Бунэ сара – добрый вечер
**Ла реведере – до свидания.

–

Там же он прочитал коротенькое стихотворение
«ДА» И «НЕТ»:

Короче слов, чем «Да» и «Нет»
Не сыщешь, хоть пройди весь свет,
Но, если молвить нужно «Да!»
Или отрезать «Нет!» -
Нам не хватает иногда
Всей жизни на ответ.

Молдавии посвятил своё стихотворение побывавший не раз у нас в республике автор
ряда книг Яков Аким.

СПАСИБО, МОЛДАВИЯ!

Спасибо, Молдавия! Знаешь ли ты,
Живая земля, просолённая потом,
Как после мучительных лет темноты
Я здесь над строкою, как пахарь, работал.
Спасибо столу. И тебе, телефон,
Мой ангел-хранитель, часами молчащий,
Приятели, вам отбиваю поклон –
Меня не смущали вы пьяною чашей.
Спасибо вам, ясные дни ноября,
Которыми осень меня оделила!
В раскрытом окне не тускнела заря,
От слякоти не расплывались чернила.
Спасибо, возлюбленный брат мой, поэт!
За нежность, за чуткую, ясную душу,
За добрую строгость и мудрый совет.
Я слушал тебя – и Молдавию слушал.
Спасибо за кров, под которым я жил,
За тайное, кем-то свершённое чудо,
За песни, которые людям сложил,
Не знаю ещё – хорошо или худо!
Спасибо за то, что в твоей мастерской
Резцу поддавалась упрямая глыбка,
За щедрую осень, приют и покой
Спасибо, Молдова! Слышишь, спасибо!

Прозвучало на вечере произведение Давида Кугультинова «Родина»:

Мать-Родина!.. Так люди называли
Её издревле.... Вправду, не она ли
Нам жизнь дала, и силы в нас влила,
И за руку взяла, и повела?..
Она щедра по-матерински, знаю...
Но Родина – она и дочь родная,
Всё лучшее – и труд, и вдохновенье –
Самозабвенье отдаём мы ей,
Как только детям отдают – продленье
Быстротекущих, кратких наших дней...
Здесь всё – моё!.. Бери его, упрочь,
О, Родина моя!.. О, мать и дочь!
(Перевод Ю. Нейман)

Многим надолго запомнилось выступление литературного критика из Монголии Дон-димсурэна Цэнда, сказавшего, в частности, такие слова монгольской пословицы: «У кого есть друзья – он широк, как степь, у кого друзей нет – он узок, как ладонь».

Прошло почти сорок лет.

Ни одного из пятнадцати функционировавших тогда в сёлах Глодянского района книжных магазинов в настоящее время не сохранилось.

Некоторые из них «поменяли вид деятельности», превратившись в бары с правом продажи спиртных напитков и табачных изделий, некоторые – снесены, а некоторые разрушены.

Появился интернет, с его огромными возможностями.

Поменялось многое в нашей жизни.

И думаешь: «Неужели слова, высказанные 39 лет назад выдающимися поэтами XX века были ошибочными?»

Неужели от их творчества в нашей памяти ничего не осталось?

Если это так, что останется потомкам от нас с вами, коль мы не одарены такими выдающимися талантами, а являемся обычными, простыми, рядовыми людьми?».

ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

(Тема любви в «Восточных циклах»

Сергея Есенина и Юрия Иванова)

«О ЛЮБВИ НЕМАЛО ПЕСЕН СЛОЖЕНО...»

Тема любви в литературном творчестве – вечная и неисчерпаемая, и к её освещению подходили и подходят по-разному. Чувство любви мужчины к женщине ярко и образно было воспето многими поэтам. Особенно – восточными (начиная ещё сказками «Тысяча и одной ночи») – Саади, Фирдоуси, Навои и многими другими. На Западе образцом в этом отношении может служить творчество Петрарки, воспевшего свою любовь к Лауре.

Что касается русской поэзии, то вряд ли можно найти имя какого-нибудь поэта, оставившего свой более или менее заметный след в литературе, который обошёл бы своим вниманием эту тему.

«О любви немало песен сложено, я спою тебе ещё одну» – слова некогда известной песни.

В последнее время нельзя не обратить внимание на то, что диапазон понимания любви значительно расширился. Он распространился от выражения «Бог – есть любовь» и до понятия «заниматься любовью».

Осуществляются попытки слома традиционных восприятий этого высокого чувства, способного вызывать великие поступки, вплоть до самопожертвования.

В наше сознание стараются внедрить путаницу в понятиях о любви. Любовь к Родине, к родному краю, к семье, детям, к матери, к женщине, заменить мыслями о сексе, геях, лесбиянках, порно.

Упускается из виду то обстоятельство, что ослы и бараны в состоянии «заниматься любовью», но им не ведома любовь к Отчизне.

Потихоньку выветривается из сознания молодёжи стремление к культуре речи. Внимание молодых людей переводится от «высоких» чакр к «низким», ответственным за животные инстинкты. Интернет с каждым годом всё больше опошляется матом. Сторонники мата выходят на широкие арены всемирного значения. Идиотское выражение: «Лучше ругаться матом, чем быть тихим подлецом» вызывает аплодисменты зрителей. Как будто «матюкальщик» уже по определению не может быть подлецом!

Яркое свидетельство этого процесса – тематика выступлений юмористов и сатириков российской эстрады, сконцентрированная в последнее время на темах супружеских измен, продолжительности оргазмов, размерах членов и других подобных переживаний. Привычным слуху телезрителя давно стало заимствованное из западных телесериалов использование в широком обиходе слова «задница».

Все эти процессы направлены, видимо, на отвлечение внимания широкой общественности от настоящих насущных проблем современности, какими являются борьба за выживание, военные противостояния, миграционные потоки, мошенничество, коррупция, нестабильность и неопределённость завтрашнего дня. Делается многое для того, чтобы обыватель не успевал задумываться над этими злободневными проблемами, будучи привязан мыслями и чувствами к этой самой «заднице». Несмотря на то, что эта позиция не так уж и приятно пахнет.

Размышления на эти темы неожиданно привели меня к мысли о том, что было бы неплохо выяснить позиции в освещении темы любви к женщине и к родным местам двух поэтов, разделённых по времени целым столетием.

Первый из них гениальный, мирового значения лирик, Сергей Александрович Есенин.

Второй – наш современник, учёный-исследователь, прозаик и поэт, член-корреспондент Санкт-Петербургской Петровской Академии наук и искусств, член Союза писателей Молдовы имени А.С.Пушкина и член Союза писателей Беларуси Юрий Васильевич Иванов.

«ПЕРЕКЛИЧКА» ДВУХ ЛИРИКОВ НА «ВОСТОЧНЫЕ» ТЕМЫ

Творчество выдающегося русского поэта Сергея Александровича Есенина и его биография освещены в литературоведении довольно подробно. Важное место в наследии поэта занимает цикл «Персидские мотивы», вошедший в сокровищницу мировой литературы. «Шаганэ, ты моя Шаганэ», «Свет вечерний шафранного края», «В Хороссане есть такие двери», «Улеглась моя большая рана» и другие произведения этого цикла стали образцами мировой высокохудожественной поэзии.

А современный русскоязычный поэт, выросший на древней земле Молдовы, Юрий Васильевич Иванов, получил известность в литературных кругах Республики Молдова и Республики Беларусь в 2013 году, когда в Кишинёве вышел из печати его первый поэтический сборник. Он называется «О, Бела Русь, моя мечта!...». Лауреат литературной премии «Автор года 2010» по версии журнала «Наше поколение», Ю.В.Иванов в этой книге в свойственном ему стиле размышляет об истории, природе, традициях и ценностях прекрасного края – Беларуси.

Она заняла третье место на Минской международной выставке книг (из 28 зарубежных стран) о Беларуси. За этот поэтический сборник Юрий Васильевич награждён медалью за личный вклад в развитие литературы о Беларуси, принят в члены Союза писателей Беларуси,

Вторая книга стихотворений Иванова – «Восточные напевы», – на которую я намерен сослаться в этой статье, вышла из печати в 2015 году. Она включает в себя стихотворения разных лет, объединённые общей темой – размышлениями о любви и о поэзии. Автор делится мыслями и чувствами, навеянными впечатлениями от личных переживаний, от глубокого изучения произведений ряда восточных поэтов, и, в особенности, – творческого почерка Сергея Есенина.

Детальное изучение творчества любимого поэта и стремление самому осмыслить поэтическое наследие Есенина позволило Ю.В.Иванову, как литератору, обладающему оригинальным стилем, выступить не просто эпигоном, подражателем великого лирика, но значительно расширить и углубить «восточную» тематику. Произошло это за счёт включения в неё дополнительных красок, образов и идей, навеянных и обострённых не только глубокими размышлениями, но и собственными переживаниями, связанными с фактами из личной биографии. Говорить об этих фактах, относящихся к глубоким переживаниям и чувствам поэта относительно своей «Северянки» здесь неуместно, достаточно будет только упомянуть о том, что «Восточные напевы» посвящены таинственной Антонине Д.

«ВОСТОК» И «СЕВЕР» В СТИХАХ ЕСЕНИНА И ИВАНОВА

Любовь к Родине – очень сложное по своим психологическим компонентам человеческое чувство. Особенно ярко выражается оно у людей пожилого и старческого возраста в форме ностальгии по местам, памятным с детства, по родной природе, в их желании вернуться в эти места в конце своего жизненного пути и именно там закончить его. Естественно будет ожидать от поэтов – людей, обострённо, а нередко и болезненно воспринимающих и чувствующих окружающий мир, что они могут ярко и убедительно описать эти чувства, не дожидаясь старческого возраста. И это им удаётся.

Тихо розы бегут по полям.

Сердцу снится страна другая.

(Есенин. «Свет вечерний шафранного края»)

Вот, как выглядит сравнение «востока» и родины-«Севера» у Есенина:

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.

Потому, что я с севера, что ли.

(Есенин. «Шаганэ, ты моя Шаганэ»).

Это сравнение расширяет и углубляет в своём стихотворении Иванов:

Говорят, что в Хоросане

И луна, как в злате медь?..

Говорят – с перлами в стане

Девы там выходят петь?..

Розы там рубином блещут,

Серебром блестит Евфрат,

И в Босфоре птицы плещут,-

Красивее всех в стократ!..

Чудесам всем тем внимая,
Я на Север всё ж гляжу;
Жаль – открыты двери рая, -
Но к Тебе пути слежу!..

Я давно желал Восток
И его любви напевы...
Но... не тех полей росток
Дал в душе моей посева...

Жарче – Севера мне луч,
Что туман весной рвёт,
Мне милее глина круч,
Что у солнца злато пьёт!..

И, полынь в лугах вдыхая,
Не о Персии грущу...
Пусть открыты двери рая,
Но – Тебя! Не их ищу!..
(Иванов. «Говорят, что в Хоросане...»)

Примечательно, что у Иванова для непосвящённых «Север» может выглядеть довольно своеобразно, коль его лучи жарче южных. Это сравнение, конечно, нужно считать авторской гиперболой. Может показаться неестественным и образ «глиняных круч», явно несвойственных традиционному восприятию «Севера». Если, конечно, не знать о том, что автор имеет здесь в виду ландшафт Севера Республики Молдова, богатый холмами и глинистыми почвами. Таким образом поэт намекает в данном случае не только на природу Беларуси, где по другим контекстам находится его Северянка, но и на природу родной и близкой его сердцу Молдовы.

Свидетельницей ностальгического отношения лириков к «Северу» становится в названных выше стихотворениях Есенина и Иванова является небесная красавица-луна. Её образ является читателю ещё раз у Есенина:

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою.
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.
(Есенин. «Руки милой – пара лебедей»)

Встречается луна и в другом стихотворении Иванова:
Мне – лишь Севера равнины
Дарят глазу белый свет;
Я – лишь их люблю седины,
Что зимой скупы на цвет!..

Под луной ищу я ныне
Васильков забытых ряд;
Ты – зажги их клад в полыни,
Подари им, Шага, взгляд!..
(Иванов. «Я сегодня с милой Шагой...»)

Постепенно, от слова к слову, от детали к детали создаётся картина, отражающая чувства авторов по отношению к Родине.

Многие видел я страны.
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.
(Есенин. «Глупое сердце, не бейся»).

О своей любви к родному краю Есенин говорит и прямо:
Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

(Есенин. «В Хороссане есть такие двери»)

У Иванова нет прямого указания на это чувство, но оно формируется другими средствами:

Пусть прекрасны смуглы девы,
Я не их теперь слежу;
На витые кудри Евы
Сквозь бокал я не гляжу!
Мне желанна тишь той дали,
Что лазури в реки льёт,
Где серебром туманы стали,
Где сверчком трава поёт!..
(Иванов. «Что мне ночи Хоросана...»).

И далее:

Кипарисов тень аллеи
Я не там, а здесь искал.
Хороши Ирана феи –
Но туда я не скакал!..
Мне дороже сена золото,
Что сияет на лугу!..
Может, там и всё – богато,
Но... своё я стерегу!..

(Иванов. «Мне глаза любимой Шаги...»)

Завершая этот небольшой обзор «Восток» – «Север», конечно, нужно обратить внимание на то обстоятельство, что тема ностальгии по Родине и тема любви к женщине неразрывно переплелись, что обусловлено самой логикой «Восточных циклов», которая даёт возможность авторам сравнивать страны, обычаи, поведение, отношения между мужчинами и женщинами на «Востоке» и «Севере».

Примечательно в этом отношении стихотворение Есенина «Улеглась моя больная рана», в котором очень сильно звучат строки:

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

(Есенин. «Улеглась моя больная рана»)

И эту тему развивает и углубляет в свойственном ему стиле Юрий Иванов:

Я пришёл вкусить вино
Из мечты бездонной чаши –
Слаще всех иных оно!
Девы... лучше всё же – наши!

Солнца, ветра не боясь,
Зреют вишнями в садах;
Взглядов дерзких не таясь, -
Плещут рыбками в прудах!..

Но для милой сердцу Шаги
Всё же шаль я привезу!
Не хочу, чтоб плечи наги
Целовал июль в грозу!..
(Иванов. «Я для сердца милой Шаги...»).

Вникая в особенности стилей Есенина и Иванова в ходе их сравнения, я обратил внимание на то, как они используют в своих эпитетах и сравнениях слова, обозначающие цвета.

В первую очередь, конечно, нужно отметить приверженность Есенина к цветам голубому и синему. Возможно, это связано с цветом глаз самого поэта и с красками, свойственными «Северу». «Голубая да весёлая страна», «Голубая родина Фирдуси» «Хорошо бродить среди покоя Голубой и ласковой страны». «Да глаза, как яхонты, горят».

Особенно сильно в этом ряду звучат слова метафора:

Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.
(«Никогда я не был на Босфоре»).

Другой «избранный» цвет Есенина – жёлтый. Привязанность к нему можно объяснить цветом волос поэта и ассоциациями, возникающими у читателя в связи с восприятиями картины ржаного поля:

«Эти волосы взял я у ржи» пишет поэт. А вот – в других стихотворениях:

«Руки милой – пара лебедей -
В золоте волос моих ныряют».

«У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь».

«Сердце станет глыбой золотою».

Жёлтый цвет замечает Есенин и при описании природы:

«Месяца жёлтые чары
Льют по каштанам в пролесь».
«Кружит звезд мотыльковый рой».

Чёрный цвет упоминается поэтом только в сочетании со словом «чадра»:

Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Сиреневый:

Благословенны сиреневые ночи.

О красном цвете у Есенина будет сказано в этой статье ниже.

У Иванова явным преимуществом в палитре стихотворений в «Восточном цикле» пользуется жёлтый цвет золота. Поэт упоминает выражения «золотые колесницы», «Как в золотых садах Ирана», «Здесь – лишь золото одно!...», «Мне милее глина круч, Что у солнца золото пьёт!...».

Близким по восприятию к золотистому цвету поэт считает цвет меди. Но эти два цвета сравниваются друг с другом в целях их противопоставления: цвет золота – Солнца, а цвет меди – Луны: «Без любви – и Солнце – медь», «Там – луна, как медь чеканна», «Блещет гордо над Босфором медью литая луна», «Говорят, что в Хоросане и луна, как в злате медь?..».

Золото и медь встречаются также и в описании картины земной природы: «Листьев злато, поля медь...».

Встречается в стихах Иванова и цвет другого драгоценного металла – серебра: «Серебром блестит Евфрат», «Мне желанна тишь той дали, Что лазури в реки льёт, Где серебром туманы стали, Где сверчком трава поёт!...», «Я люблю печаль тумана, Что серебрит пустынный луг».

Близким в своём расположении по цветовому спектру и по поэтическому смыслу находится у Иванова цвет лазури: «Мне – Твои лазурны очи В снегах Севера горят», «В тот же миг тень Хоросана Бьёт сильней, чем кобры яд, - Вместо чёрных глаз Ирана Твой лазурью блещет взгляд!!!», а также – васильковый в противопоставлении с рубином:

«И Твои глаза не пламень,-

Васильков на поле цвет!..

Дорогой рубин, ведь, – камень,

Но Тебя – дороже нет!!!».

Особое место занимает в стихотворении Иванова белый цвет – символ Севера:

«Мне – лишь Севера равнины

Дарят глазу белый свет;

Я – лишь их люблю седины,

Что зимой скупы на цвет!..»

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛЮБВИ В «ВОСТОЧНЫХ ЦИКЛАХ» СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА И ЮРИЯ ИВАНОВА

Любовь к Родине, к родной природе, восхищение ими и другие яркие психологические переживания человека можно передавать людям различными средствами, в ряду которых – фольклор, литература, художественное творчество, музыка, балет и другие.

В лирической поэзии особенно ярким и действенным средством воздействия на умы и сердца читателей является олицетворение и сращение понятий «Родина» и «Женщина» в одном или двух параллельных образах. Убедительным подтверждением этой мысли является образ «Родина-Мать», широко известный не только в русской, но и в других литературах.

Особенностью обозреваемых «Восточных циклов» Есенина и Иванова является воспевание в одном ключе, в одном порыве чувств любви к Родине и любви к женщине.

Огромное впечатление в этом отношении оставляет на читателя стихотворение Есенина «Никогда я не был на Босфоре». Стремление забыться, отвлечься от влияния прошлых чувств в окружении новых событий, навянных возможностями Востока, несмотря на красоту южной

природы и смуглых девушек, остаётся неосуществлённым. Серде автора всё время занято родным, и «выдавить» из него искренние, пусть и ушедшие в прошлое чувства, невозможно.

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнём.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия -
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки -
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою весёлую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре -
Я тебе придумую о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

(Есенин. «Никогда я не был на Босфоре»).

Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

(Есенин. «Шаганэ, ты моя Шаганэ»)

Эту же тему, концентрируясь на названном противоречии, развивает несколькими своими стихотворениями Юрий Иванов:

Что мне Персии дурманы,
Хорасана лик златой?!..
Что мне дев горячих станы,
Чайханы дымок густой?!..

Я люблю печаль тумана,
Что серебрит пустынный луг,
Я не пью вино обмана
Из очей персидских дуг!..
Мне – Твои лазурны очи
В снегах Севера горят,
Мне – иного неба ночи
О любви всё петь велят!..
(Иванов. «Что мне Персии дурманы...»).

Снова манит Хоросан
Негой жгучей жаркой ночи:
– Обними же Лейлы стан,-
Наслади им строги очи!..

Ты – о Севере поёшь,
О снегах пустой равнины,
Как шумит под небом рожь,
Как бодрит туман седины...

Но – желанней снега девы,
Что у ног твоих дрожат;
В Хоросане кудри евы –
Рожью сжатой не лежат!..

Здесь – иные брызжут воды
Посреди густых садов!..
Для поэта – пыль, ведь, годы,
Что без неги и трудов!..

Чем хвалить туман равнины, -
Пой о вздохах при луне,
Что растопят и седины
На любви святом огне!..

– Полно, полно, Хоросан,
Жечь меня бесстыдством ночи!..
Пусть трепещет Лейлы стан,-
Не его так жаждут очи!..

Пусть здесь золото – что медь,

Пусть дрожат от страсти девы,
Не для них слагаю ведь
О любви в снегах напевы!..
(Иванов.«Снова манит Хорасан...»).

Блещет гордо над Босфором
Медью литая луна,
О свиданье шепчет скором,
Что подарит мне она:

Там, в садах золотых Ирана,
Где чинары тенью в ряд,
Загрубееет в сердце рана,
Утечёт печали яд!

– Что грустишь, о чём не знаешь?–
Обними меня в ночи...
В далях хладных ты летаешь,-
О любви, давай, пиши!

Как прекрасны смуглы девы,
Как пьянит в серебре вино;
Для поэта рожь ведь, евы,
Пей вино пока дано!..

– Не зови меня, Обманка,-
Что мне Персии дурман?!
Там, за далью, Северянка
Васильки несёт в туман...

Пусть прекрасны Юга розы,
Пусть рубином манит хмель,-
Я люблю под липой грозы
И в снегах седую ель!..
(Иванов.«Блещет гордо над Босфором...»).

ЖЕНСКАЯ КРАСОТА У ЕСЕНИНА

Сергей Есенин – выдающийся лирический поэт, обладающий глубокими чувствами и потрясающей интуицией, позволяющей находить нужные слова, эпитеты, сравнения и олицетворения для передачи тех идей и чувств, которые волнуют поэта.

«Прекрасная», «красивая», «милая» – эти слова, обычно широко употребляющиеся нами в повседневном обиходе для выражения понятия и образа красивого человека, характерны и для поэтического языка Есенина:

Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное "люблю"?
(«Я спросил сегодня у менялы»).

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне –
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.
(«Ты сказала, что Саади»).

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи рдеют,
Лепестками тая на губах.

(«Я спросил сегодня у менялы»)

Даже всё некрасивое в роке
Осеняет своя благодать.
Потому и прекрасные щёки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.
(«Свет вечерний шафранного края»).

Наклонись своим красивым станом,
(«Никогда я не был на Босфоре»).

Красота лица и стройность женской фигуры привлекают внимание поэта, а помещённые в одном стихотворении рядом, в сочетании с неожиданным сравнением, оставляют сильное впечатление:

Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.
(«Улеглась моя больная рана»).

Стройный стан, красивое лицо дополняет нежность голоса и сравнение рук милой с парой лебедей:

Голос пери нежный и красивый.
(«В Хороссане есть такие двери»).

Руки милой – пара лебедей -
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

(«Руки милой – пара лебедей»)

Кульминации достигает Есенин в понимании красоты человеческой любви, соединив в одно словосочетание противоположные, казалось бы, по смыслу слова: «красота» и «страдание»:

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.
(«В Хороссане есть такие двери»).

Примечательно, что средства выражения у Есенина в стихотворениях «Восточного цикла» лишены какой-либо надуманной «красивости», стремления удивить читателя необычностью метафор, эпитетов, сравнений. Образы и картины природы возникают в результате неярких, на первый взгляд, красок, но заигравших под умелыми руками художника необычными оттенками. «Слово ласковое», «волнистая рожа при луне», «лебяжьи руки»,

«веселая страна», «дальняя северянка»

«свет вечерний шафранного края», «золото холодное луны», «глупое сердце», – эти и другие словосочетания будят переживания в глубине нашего подсознания и выплывают на поверхность чувства в виде почти неосознанной красоты образа.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ИВАНОВА

Анализируя содержание книги Юрия Иванова «ВОСТОЧНЫЕ НАПЕВЫ», отметим что по объёму это поэтическое произведение значительно превосходит аналогичный цикл Есенина.

Часть первая – «ЗУРНА ЛЮБВИ» – датирована 2000 годом.

Она включает 23 стихотворения: «Ляжет пыль от каравана...», «Листьев злато, поля медь...», «Говорят, что в Хороссане...», «Что мне ночи Хороссана...», «Знаю, знаю – Саади...», «Снова манит Хороссан...», «Блещет гордо над Босфором...», «Говорят, что Саади...», «Мне в долинах Хороссана...», «Вот разбилось солнце в тени...», «Что мне Персии дурманы...», «Под чинарой Хороссана...», «Средь тюльпанов Хороссана...», «Ты – моя, ты – моя, Шаганэ...», «Хороссана лик святой...», «Слышал я, что Саади...», «Светел главами Шираз...», «Я сегодня с милой Шагой...», «Я для сердца милой Шаги...», «Я на плечи нежной Шаги...», «Мне глаза любимой Шаги...», «Надоело мне уж петь...», «Снова нити седины...».

Часть вторая – «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕРСИЮ» – датирована 2002-ым годом. Она содержит 13 стихотворений, включая эпилог: «Серебрят мороз равнину...», «Распахни мне, Хороссан...», «Здравствуй, здравствуй, Хороссан...», «Здравствуй, старая чинара...»,

«Лавка старого менялы...», «Распахни мне тёмны очи...», «Не утихла в сердце рана...», «Я хотел как Саади...», «Пусть горят как лал заката...», «Нет тепла в снегах равнины...», «Я по Персии блуждаю...», «Я хочу лишь на Босфоре...», эпилог: «Я прекрасной Шаганэ...».

Взыскательному читателю может показаться неоправданным излишеством многократное упоминание в первых строках стихотворений, расположенных недалеко одно от другого, слов «Хороссан», «Шага». Объяснение этому можно найти в том обстоятельстве, что автор писал цикл «для себя», не думая о возможной публикации. Сначала эта тема была выбрана для «тренировки», накопления опыта и «оттачивания» поэтического «мастерства». Когда же выяснилось, что результаты этой работы могут быть интересными не только автору, но и представлять собой некое «новое слово» в русскоязычной поэзии Республики Молдова, Юрий Иванов

решил не вмешиваться глубоко в редактирование текста и оставить его для опубликования в первоначальном варианте.

Некоторые другие особенности творческого почерка Иванова:

а) более широкое использование инверсий: («Разгорелась снова осень... Не люблю её я, ведь», «Где бывал ты, всех обманщик, Зрел ли лик Евфрата вод?»);

б) применение в роли эпитетов усечённых прилагательных («Обними же Лейлы стан, Наслади им строги очи!..» «Похвали, как страстны девы За Евфрата стороной») и некоторые другие, свойственные ему приёмы.

Они придают стилю Иванова особое своеобразие, индивидуальный «шарм», но одновременно усложняют, по сравнению с Есениным, восприятие стиха, как с точки зрения логики, так и с точки зрения «музыкальности», «мелодики», «лёгкости чтения» произведения.

При восприятии произведений Иванова нужно учитывать, что на его творческом почерке может сказаться то обстоятельство, что он рос в семье древнего русинского рода, и первые его детские впечатления формировались в русиноязычной (украиноязычной) культурной среде.

И всё же, несмотря на это, большинство стихотворений Иванова этого цикла сохраняют свою привлекательность и привносит нечто неожиданное, новое и интересное в восприятие темы.

Другими словами, они являются предметом настоящей поэзии.

Не случайно книга "Восточные напевы" была опубликована полностью на литературном сайте стран СНГ «Созвучие» и представлена там под заголовком: «Прибавление на нашей книжной полке: высокая поэзия Юрия Иванова (Молдова)».

«Высокая поэзия» – означает высокая оценка!

Характерным для творческого стиля Юрия Иванова является уже первое стихотворение цикла.

Ляжет пыль от каравана
На ступени чайханы,
И в углу в шелках дивана
Трону пальцем две струны...

– Расскажи мне, караванщик,
Вот тебе пиала, мёд,
Где бывал ты, всех обманщик,
Зрел ли лик Евфрата вод?

Сочини, сплети устами
Из дорожных баек сеть,
Как бродил ты сам местами,
Где выходят пери петь!..

Как на скалах чёрных птицы
Кораблям беду кричат,
Как золотые колесницы
Персов в бой с мечами мчат!

Как в золотых садах Ирана
О любви поёт зурна,
Может быть, та в сердце рана

Замолчит, как здесь – луна?..

– Расскажи, дорог хранитель
О Евфрата глубине,
Как хромой Тимур – воитель
Царства жёг – что сор в огне!

И когда лихой воитель
На Багдад полки послал,
Как Синап – дворцов строитель
Весь Стамбул парчой устлал!

Похвали, как страстны девы
За Евфрата стороной,
Отвечай – к чему там евы
Ходят с ликом под чадрой?..

Или так красой блистают,
Что и глаз не может снести?!
Иль, как мёд, на солнце тают,
Когда взор им дарит лесть?

Хороши, конечно, розы
За Евфрата стороной...
Но не лью по ним я слёзы,
Я – грущу лишь об одной...

Той, что в Севера равнинах
Не темнит лицо чадрой!
На другой реки кручинах
Мёд копил пчелиный рой...

Ты его сейчас вкушаешь
И так складно всё мне врешь...
Ничего ведь ты не знаешь,
Коль не зрел под солнцем рожь!.

Начав первую часть цикла «Зурна любви», уже в этом стихотворении Юрий Иванов проявил себя не просто «подражателем», эпигоном великого поэта Есенина, а сделал и свою заявку на своеобразие освещения заинтересовавшей его темы.

Выразилось это здесь в расширении исторического полотна повествования. Как истинный поклонник истории, исследователь-этнограф, много лет отдавший изучению древних преданий и автор ряда статей по этой тематике, он решает использовать свои знания и в данном случае. Поэтому в первом стихотворении в беседе лирического героя с караванщиком появляется упоминание о реальном историческом персонаже Тамерлане («хромой Тимур»), его завоевательном походе на Багдад, о строителе дворцов Синапе. Эти упоминания, отсутствующие в есенинском цикле, тем не менее не отягощают восприятия общей картины и не являются лишними, а углубляют её понимание.

Здесь, в первом стихотворении, в сконцентрированном виде сформулирована и вся идея первой части цикла:

Хороши, конечно, розы
За Евфрата стороной...
Но не лью по ним я слёзы,
Я – грущу лишь об одной...
И далее:
Ничего ведь ты не знаешь,
Коль не зрел под солнцем рожь!

Эта мысль будет, в той или иной степени, расширяться и углубляться поэтом в следующих стихотворениях.

Блещет гордо над Босфором
Медью литая луна,
О свиданье шепчет скором,
Что подарит мне она:

Там, в садах золотых Ирана,
Где чинары тенью в ряд,
Загрубеет в сердце рана,
Утечёт печали яд!

– Что грустишь, о чём не знаешь?–
Обними меня в ночи...
В далях хладных ты летаешь,-
О любви, давай, пиши!

Как прекрасны смуглы девы,
Как пьянит в серебре вино;
Для поэта рожь ведь, евы,
Пей вино пока дано!..

– Не зови меня, Обманка,-
Что мне Персии дурман?!
Там, за далью, Северянка
Васильки несёт в туман...

Пусть прекрасны Юга розы,
Пусть рубином манит хмель,-
Я люблю под липой грозы
И в снегах седую ель!..

Вся первая часть цикла развивается на двух противоречивых чувствах лирического героя.

С одной стороны он стремится к «Востоку» в надежде отвлечься от пережитых на «Севере» сердечных проблем. Думает, что ему это удастся в обстановке новых впечатлений от сказочных красот природы «Востока», поможет забыться в объятиях прекрасных черноглазых дев.

Листьев злато, поля медь,-
Разгорелась снова осень...
Не люблю её я, ведь,
Но... и сам другим несносен...
Мне б лететь чрез сине море
В ту далёкую страну,
Где на дремлющем Босфоре
Греет солнце чайхану!..

С другой стороны, несмотря на все прелести и новости, многообещающие предстоящие и осуществлённые знакомства и утехи, память сердца лирического героя то и дело возвращает его в краски родных мест, к скромной родной природе, к Северянке, любви, возможно, неудачной, которую хотелось бы забыть навсегда, но это не получается.

Эта тема прямо заявлена уже через одно стихотворение:

Чудесам всем тем внимая,
Я на Север всё ж гляжу;
Жаль – открыты двери рая, -
Но к Тебе пути слежу!..

Я давно желал Восток
И его любви напевы...
Но... не тех полей росток
Дал в душе моей посева... ..

Жарче – Севера мне луч,
Что туман весною рвёт,
Мне милее глина круч,
Что у солнца злато пьёт!..

И, полынь в лугах вдыхая,
Не о Персии грущу...
Пусть открыты двери рая,
Но – Тебя! Не их ищу!..

На этом противоречии основывается диалектика развития упомянутых выше стихотворений Есенина.

Эти психологические особенности поэтического творчества Есенина в данном случае тонко уловил и применил в своих стихотворениях первой части «Восточного цикла» Юрий Иванов.*

У Есенина логика всего цикла ясна и понятна. Лирический герой, стремясь отвлечься, стремится к красотам Востока, знакомится с ними, даже влюбляется в Шаганэ, но всё же забыть о Родине не может, и он уезжает.

Такова же логика и всей первой части цикла «Зурна любви» и у Иванова. Но Иванов написал своё произведение в другом временном отрезке, в другом веке, в других условиях. И это не могло не сказаться на его содержании. Поэтому и появилось своеобразное продолжение – вторая часть «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕРСИЮ», которая усиливает противоречия. Появляются неуверенность лирического героя в своих чувствах, признаки апатии.

– Серебрит Мороз равнину,-
Полно, брат, её пытать!..

Уходи скорей в чужбину,-
Время – соком всё питать!..

Ты довольно нас потешил
Хрусталём в пустом окне;
Многим холодом утешил,
Но... весна дороже мне!..

Нам её простор дыханья
В сотни раз тебя милей!..
Полон иней полыханья,
Но от него здесь не теплей!..

О глазах той Северянки
Ты опять мне говоришь...
– Был во власти я Обманки,
Но – бронёй сейчас горишь!..

Покидаю, брат, равнины,
Что сребрил ты при луне,-
Я хочу согреть седины
В Чёрной Персии огне!..

Такой поворот событий объясняется самой обстановкой, наступившей и в личной биографии поэта. Он мечтал найти уют и личное счастье в Беларуси. Но и в его личной жизни, и в коллективной биографии народа после распада бывшего СССР, когда значительно усложнилась жизнь простого человека, появилась неуверенность в завтрашнем дне. Тысячи людей стали «челноками», были вынуждены покинуть родные края в поисках заработков за рубежом. Многие поехали как раз на юг, в Турцию, Грецию.

Не осуществились надежды и планы поэта, пережившего в связи с этим потрясения и психологический дискомфорт.

Здравствуй, старая чинара,
Ты – по-прежнему стройна!..
Под тобой хлебну отвара,
Что согрела мне луна...

Здесь теплом всё ночью дышит,
Здесь нет Севера тоски;
Тут зурну лишь ухо слышит
И не жмут мой ум тиски!..

Здесь легко туманы тают,
Здесь не мёрзнет брег реки;
Тут поэты дни листают
Пальцем девичьей руки!..

Здравствуй, старая чинара,
Под тобой звучит зурна...
Да и я хлебну отвара,

Что согрела мне луна...

К «Северу» отношение лирического героя явно меняется, «Север» теперь навевает тоску, которой не было раньше. Остаётся надежда обрести счастье и покой, возвратившись в объятия черноглазой Шаганэ.

Я о Севере мечтал,
Под берёзой хмель вкушая,
Но... от Севера устал,-
Ведь – на Юге кущи рая!..

Тут о милой Шаганэ
Пел в стихах Есенин;
Здесь – Босфор в золотой луне
Тих, широк, но не надменен!

Распахни мне тёмны очи,-
Летом Персии согрей!..
Холодны во ржи мне ночи,-
Так скорей их хлад развей!..

Веет на «Севере» холодом 90-х годов 20-го века. И в стихах Иванова звучит обида, появляются трагические ноты:

Не утихла в сердце рана,
Что мне Север злой нанёс,
И душа – как шкура рвана,
Что надел мой старый пёс!..

Раны – солью не залечишь,
Васильки – не хмеля вкус!..
Север, Север! Всё калечишь,
Жизнь мою, свивая в ус!..

Но не ты один на свете!
Слава Богу – Юг нам есть!..
Серых глаз я ждал в привете,
Но – быстрее Ирана весть!..

Не застыла в сердце рана,
Что мне Север здесь нанёс,
И душа – как шкура рвана,
Что надел мой старый пёс!..

Даже представить себе такой поворот темы у Есенина невозможно. Его поэзия светлой грусти превращается у Иванова во второй части цикла в протест, недоумение, близкое к ненависти. И вот тут в полную силу звучит трагическое чувство из-за понимания того, что ответа на вопрос о том, как спастись от холода и почему всё это происходит, невозможно найти ни в снегах Севера, ни в жаркой Персии. Следуют глубокие философские размышления:

Слаще мне снегов привета
Жаркой Персии вино,
Но... и в нём мне нет ответа –
Отчего в душе темно?..

Не заменят зори лалы,
И любовь – не злата пуд!..
Пусть звенят с вином бокалы,
Но всё это – хмеля блуд!..

Не покоя сердце просит,
Не в Аид спешит душа;
Не затем Земля нас носит,
Чтоб уснули, не дыша!..

Дверь, забытую, от рая
Всё стремимся отыскать,
И живём – с судьбой играя,
Всех пытаюсь обскакать!..

Завершает цикл обращение лирического героя к бывшей любимой Северянке, обращение, переполненное отнюдь не светлыми и радостными чувствами, а горьким разочарованием и пониманием того, что «и за далью океана уж покоя не сыскать»

Я хочу лишь на Босфоре
Пить вино, стихи читать...
Быть с тобой всегда лишь в ссоре,-
Вот, что Ты могла мне дать!..

Ты осталась Северянкой –
Без любви и без тепла;
Оказалась лишь обманкой,
Хоть – все жилы мне прожгла!..

Я уйду по чисту полю
В час теплеющей зари,
Всё пушу с души на волю, -
Всё теперь – огнём гори!!!

Мне за далью океана
Уж покоя не сыскать;
Полон сердцем я обмана,
Хоть пытался не впускать!..

Но для тех, кто верит евам
Разве есть конец иной?!..
Я молился Божьим Девам,-
А погублен, ведь, – земной!!!..

Автор сглаживает, всё же, это тягостное чувство, утверждая в самом конце идею о том, что, несмотря на всё пережитое, вера, доверие, любовь, доброжелательные отношения к людям, к миру могут наладиться.

В этой мысли он старается убедить читателя концовкой:

ЭПИЛОГ

Я прекрасной Шаганэ
Стих упрямый посвящал...
Ведь Её лишь при луне
С музой смуглой навещал...

Но Персидские мотивы –
Сам Есенин написал;
Под Рязанью, в злате нивы,
О Ширазе он мечтал!..

Ту мечту сквозь дым столетья
Как болезнь я подхватил,
Хоть иные лихолетья
Дух мой шалый захватил!..

И, хотя сирень сияет
Мягким светом на заре,-
Сердце больше не пленяет
Праздник птичий во дворе!

Жду веселия для всех:
Чтоб весна – всегда звучала,
Чтоб людей счастливый смех
Потрясал миров начала!..

Вот тогда отпустит душу
Слишком ранняя печаль,
Вот тогда стену разрушу
И пойду с Тобою вдаль!..

Параллели, говорят одни математики, не сходятся. Фантасты и лирики утверждают обратное – сходятся.

Я попытался, не становясь на одну из этих точек зрения, проследить за параллелями двух поэтических тропинок, по которым прошли два поэта. Может быть, мне это удалось не в полной мере. Но работа над этим материалом подтолкнула и меня окунуться в «Восточные напевы» и написать, подобно Есенину и Иванову, следующее стихотворение:

ВСПОМНИ, ШАГА, ОБО МНЕ

Вспомни, Шага, обо мне.
Неужто – ты меня забыла?
Ах, как давно всё это было...
Мы сидели в чайхане.
Шага, Шага, Шаганэ....

Тогда мы встретились случайно.
Я – иностранец молодой,
Ты – тайна, скрытая чадрой,
Чем интересна чрезвычайно.

Шага, Шага, Шаганэ....

С тобой беседовал Есенин,
А рядом с ним был Иванов.
Я слышал лишь обрывки слов
Вашей дружеской беседы,
Шага, Шага, Шаганэ....

Сидел, не смея подойти,
Из-под чадры ты вдруг взглянула,
И отозвалось сердце гулом,
И наши встретились пути.
Шага, Шага, Шаганэ....

Хоть не сказала и полслова,
И чувств не следовал поток,
От взгляда вдруг ударил ток,
И под чадрой ты скрылась снова.
Шага, Шага, Шаганэ....

Ты помнишь, Шага, обо мне?
Неужто – ты меня забыла?
Ах, как давно всё это было –
Та наша встреча в чайхане!
Шаганэ ты моя, Шаганэ....

5 декабря 2016 года
С. Дану

О «ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ» ЮРИЯ ИВАНОВА

Творческая биография современного русскоязычного молдавского поэта и прозаика, члена Союза писателей Молдовы имени А. С. Пушкина и члена Союза писателей Республики Беларусь Юрия Васильевича Иванова привлекает, как многообразием его интересов относительно тематики произведений, так и глубиной проникновения в «истоки», «корни» в причины и следствия тех или иных явлений.

Посвятив многие годы своей юности изучению документов, преданий и легенд, касающихся древних толковинов, он стал автором десятка исследований и статей исторического содержания, опубликованных им в разное время в солидных журналах. Как прозаик и мастер короткого рассказа стал лауреатом премии «Автор года» по версии издающегося в Молдове журнала «Наше Поколение». Как поэт заявил о себе книгой «О, Бела Русь, моя мечта!..», поэмой «Песнь о Богдане-Воеводе и Молдавской Земле». Как член Регионального филиала «Nord» Союза писателей Молдовы имени А.С.Пушкина и председатель Рышканской районной писательской организации способствовал проведению ряда писательских конференций и презентаций, проводимых на Севере Республики Молдова.

Центральным на настоящий момент произведением Юрия Иванова, безусловно, является поэма ««О, Бела Русь, моя мечта!..», получившая признание не только в Молдове, но и в Беларуси. Об этом свидетельствует тот факт, что она заняла третье место среди 28 книг о Беларуси на Международной книжной выставке в Минске.

В своих путевых заметках «Дорогой мечты» Юрий Васильевич повествует о своей поездке в Белоруссию для участия от Республики Молдова в проведении Дня белорусской письменности 2014 года, в ходе которой он познакомился с выдающимися современными белорусскими писателями и поэтами, был удостоен высокой награды.

В этом жанре автору удалось выразить широкий спектр размышлений. Здесь и раздумья о месте и роли писателя в современном обществе, и стремление понять значение далёкого прошлого нашей совместной истории для сегодняшнего дня, и беспокойство о будущем, и о вечных нравственных ценностях. Некоторые сведения, касающиеся древней истории Беларуси, о них идёт речь в заметках, являются открытиями, которым, я думаю, ещё будет дана оценка академической наукой. И то, что эти сведения были предоставлены белорусам писателем из Молдовы, имеет своё особое значение.

Как раз тут и уместно сказать, что Юрий Иванов является одним из главных инициаторов установления творческих связей между Союзом писателей Молдовы имени А. С. Пушкина, в частности – Региональным филиалом «Nord» этой творческой организации, и Союзом писателей Республики Беларусь. По его инициативе намечается издание нашего, совместного с белорусскими авторами, альманаха. Уже сделаны первые шаги к подобному сотрудничеству. Первая публикация одного из произведений Юрия Иванова уже состоялась в Минске на белорусском языке.

В путевых заметках с размышлениями о прошедших и сегодняшних временах тесно переплелись мысли и чувства личного характера, в виде иллюстраций приводятся отрывки из стихотворений, что придаёт «заметкам» особый колорит. Да и некоторые моменты прозы привлекают своим языком и стилем, в них угадывается мироощущение поэта:

«Внутренне очищенный и умиротворенный после пребывания в соборе, я спустился по ступенькам к набережной Свислочи. Река, не торопясь, катила свои не стылые, пока еще летние воды, по назначенному самой природой маршруту, играя солнечными всполохами в изумрудной глубине. Трепыхались юркие уточки, доставая мелкую серебристую рыбешку. По проложенной вдоль речного парапета качественной велосипедной дорожке, не спеша колесила спортивного вида молодежь...».

Поездка Юрия Иванова в Беларусь явилась знаковым событием в установлении творческих связей литераторов Молдовы и Беларуси, первым шагом к осуществлению наших совместных планов. Думается, что все они с течением времени сбудутся.

ЛИРА, ОСВЕЩЕННАЯ ЛУЧАМИ ЯРКОГО ТАЛАНТА

(Предисловие к сборнику стихотворений Анны Белоус "Наполню музой пустоту")

Стихотворения Анны Белоус впервые попали мне на глаза в 2005 году среди нескольких других стихов начинающих авторов – учащихся Глоденского Теоретического Лицея имени Льва Толстого. Девушки, изрядно стесняясь, принесли их в редакцию районной газеты «С;тріа Glodeniłor», которую я тогда редактировал, для публикации в очередной литературной подборке «Родничок». И они, стихи Ани, сразу же привлекли внимание какой-то необыкновенной, несвойственной обычно школьникам, возвышенной красотой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.